

Либеральные права и общественный выбор

...существует сфера деятельности, в которой общество в отличие от индивидов имеет только косвенный интерес, если вообще имеет какой-либо интерес; она охватывает всю часть жизни и поведения человека, которая влияет только на него самого, а если и влияет на остальных, то только при их свободном, добровольном и просвещенном согласии и участии.

...существует ... в целом мире нарастающая склонность к неправомерному распространению власти общества над человеком как с помощью силы общественного мнения, так даже и законодательства; а поскольку в мире из всех происходящих в нем изменений главной тенденцией является усиление общества и снижение полномочий человека, то такое поползновение не относится к одним из тех недостатков, которые склонны спонтанно исчезнуть, а скорее совсем наоборот, склонны становиться все более и более огромными.

Джон Стюарт Милль

В гл. 26 было проиллюстрировано, почему индивиды могут сделать выбор в пользу закрепления определенных прав на действия в конституции. Наличие такого рода конституционно защищенных прав часто считается существенным условием свободного общества. Такие права защищают свободу всех граждан и ассоциируются с классическим определением *либерализма*, предложенным Джоном Стюартом Миллем в 1859 г. В краткой статье, опубликованной в 1970 г., нобелевский лауреат Амартья Сен (Amartya Sen, 1970b) рассмотрел понятие либерализма с точки зрения общества/социального выбора в целом. К тому же в его статье доказана еще одна разновидность теоремы Эрроу о невозможности, а сама статья форсировала затяжную и зачастую энергичную дискуссию по поводу как выводов теоремы, так и самой концепции либерализма. В данной главе будут рассмотрены некоторые из вопросов, поднятых в ходе этих дебатов. Начнем с самой теоремы.

27.1. Теорема

Теорема Эрроу утверждает, что невозможно удовлетворить четырем разумным ограничениям, наложенным на процесс общественного выбора, не сделав

одного человека диктатором при принятии всех общественных решений (см. гл. 24). Сен (Sen, 1970a, b) предпринял попытку позволить каждому человеку быть диктатором при одном отдельном «общественном» выборе, например при выборе цвета краски в ванной комнате, и пришел к еще одной теореме о невозможности.

Если говорить более конкретно, Сен (Sen, 1976, p. 217) решил найти такую функцию общественных решений, которая удовлетворяла бы следующему качеству:

Признание личной свободы: существуют определенные личные дела, в которых каждый человек должен быть свободен решать, что должно произойти, а при выборе этих вещей именно то, что он или она считает лучшим, должно быть признано как лучшее для общества в целом независимо от мнения других.

Сен формализует это условие, предоставляя возможность каждому индивидууму иметь решающее значение при общественном выборе между двумя альтернативами, и показывает, что этого условия, неограниченной области определения и принципа Парето достаточно для порождения зацикливания функции принятия общественных решений (1970a, b). Данная теорема замечательна, как и в случае у Эрроу, тем, что она достигает столь многого при небольшом количестве ограничений. Не подключаются ни транзитивность (только ацикличность), ни независимость от посторонних альтернатив (*но* — см. ниже).

Сен иллюстрирует свою теорему, приводя следующий пример: пусть доступен для чтения единственный экземпляр книги «Любовник леди Чаттерлей» и возможны три общественных состояния:

- a. Индивид *A* читает книгу, а *B* — не читает.
- b. Индивид *B* читает книгу, а *A* — не читает.
- c. Ни один из двух индивидов не читает книгу.

Индивид *A* — ханжа и предпочитает, чтобы никто не читал книгу, но скорее прочтет ее сам, чем позволит *B* прочесть ее. Индивид *B* — похотливый и более всего предпочитает, чтобы ханжа *A* прочел книгу, но скорее прочтет ее сам, чем она вообще останется непрочитанной, т. е.:

для *A*: $c P a P b$, и
 для *B*: $a P b P c$.

Применяя либеральный принцип и разрешая индивиду *B* выбирать, читать книгу или нет, приходим к:

$b P c$.

Проведя аналогичную операцию для A , имеем:

$c P a$.

Но оба индивида A и B ставят a выше b ; соответственно по принципу Парето:

$a P b$,

что дает заикливание.

27.2. Решение парадокса

27.2.1. Права важнее Парето

Ниже будет обсуждаться несколько выходов из парадокса или попыток избежать его.

Сам Сен предпочитает такое решение: потребовать, чтобы принцип Парето подчинялся либеральным правам в определенных ситуациях.

Пусть я — «ханжа» (господин A)... , а вы — «распутный» (господин B). Я скорее бы не читал книгу сам (т. е. я предпочитаю c , а не a), и мне предпочтительнее, чтобы и вы ее не читали (т. е. c предпочтительнее b), но я делаю выбор в пользу «уважения» ваших вкусов по поводу того, что я считаю вашим невежественным делом (если к этому можно применить слово «уважение»), признавая, что мои предпочтения c перед b можно проигнорировать. Моя неприязнь к вашему опусканию до такой «грязи» столь сильна, что я предпочел бы прочесть книгу сам, чтобы остановить вас от такого падения (т. е. я предпочел бы a , а не b), но, будучи последовательным человеком, я замечаю, что если я буду настаивать на принятии во внимание моих предпочтений c перед a в той же мере, как предпочтений c перед b , тогда нет особого смысла «отречься» от моего предпочтения c перед b . Так что я могу решить, чтобы с моими предпочтениями a перед b вообще не считались, даже несмотря на то, что выбор по данной паре (a , b) не является исключительно вашим делом.

На том же основании вы можете не захотеть, чтобы учитывались ваши предпочтения a перед b , поскольку вы непременно захотите, чтобы были учтены предпочтения b перед c и тогда решаете, что не хотите, чтобы ваши предпочтения a перед c (поскольку это исключительно мое дело) были учтены. Но предпочтение a перед b , согласно принципу Парето, строится на учете и моих, и ваших предпочтений касательно a

и b (Sen, 1976, pp. 313–314; построение кейса несколько переделано для соответствия нашему примеру).

Таким образом, Сен решает парадокс через предположение о том, что индивиды, хотя и назойливые (т. е. вмешивающиеся в чужие дела) по своей природе, имеют либеральные ценности, которые они налагают на себя таким образом, чтобы часть их предпочтений «не учитывалась» или получала «иной вес». Либеральный B может, например, утверждать, что единственный значимый выбор для него — это выбор между b и c , и констатировать:

либеральный $B \ b \ P \ c$,

в то время как либерально настроенный A утверждает, что:

либеральный $A \ c \ P \ a$.

Теперь общественное упорядочение транзитивно при наличии сдерживаемого либерализмом результат a , когда индивид B читает книгу, а A — нет.

С целью определения Парето-оптимальности Сен решает рассматривать вмешивающиеся не в свои дела предпочтения A и B как в некотором смысле их «истинные» предпочтения, со всеми налагаемыми на них либеральными влияниями и ограничениями. В качестве альтернативы можно рассмотреть вмешательство не в свои дела или либерализм как атрибуты единого множества предпочтений, где одно доминирует над другим (Mueller, 1996b).

Либеральный A может просто утверждать, что если B предпочитает чтение книги, тогда A как либерал готов уважать этот выбор и его упорядочение b и c становится следующим:

либеральный $A \ b \ P' \ c$

И аналогично для либерального B :

либеральный $B \ c \ P' \ a$

Ханжа A скорее не будет читать книгу:

для A : $c \ P' \ a$

В то время как распутный B скорее прочтет:

для B : $b \ P' \ c$

Комбинируя либеральные предпочтения индивидов в соответствии с тем, что делает другой человек, а личные предпочтения — с их собственными действиями, получим, что как для ханжи A , так и для распутного B :

$b \ P' \ c \ P' \ a$

Если оба A и B — либералы, то они единогласно соглашаются, что лучший общественный выбор заключается в следующем: для распутного B прочесть книгу, а для A — не читать ее.¹

Соответственно результат аналогичен тому, как если предположить, что либерализм является частью предпочтений индивида или представляет ограничение для них. Как рассматривать проблему — вопрос методологических предпочтений (Mueller, 1996b). Я люблю выкурить сигарету после обеда и всегда выкуриваю ее, когда обедаю в одиночестве. Но если вечером я обедаю с вами, а вас оскорбляет курение, то я выбираю воздержание от курения. Как наилучшим образом охарактеризовать такой выбор: как неограниченный максимум моей функции полезности, которая включает в себя в качестве аргументов как мое удовольствие от курения, так и мое неудовольствие от наблюдения вашей реакции на мое курение, или как максимум моей функции полезности, включающей только мое удовольствие от курения, но при учете ограничения, что я не причиняю вам дискомфорта?

Первое решение либерального парадокса объясняет его через предположение, что сами индивидуумы желают вести себя таким образом, чтобы избежать наступления парадокса. Когда индивидуумы — непоколебимые эгоисты и любят вмешиваться не в свои дела, то сохраняется конфликт между либеральными принципами и Парето-оптимальностью. Но если поведение (предпочтения) обоих индивидуумов контролируется либеральными принципами, тогда не возникнет какого-либо противоречия с (не)ограниченным принципом Парето. Следующее решение парадокса основано целиком на эгоистичных интересах индивидов.

27.2.2. Парето-сделки с действиями

Как показано в первоначальном примере, ситуация выглядит таким образом, словно существует только единственный экземпляр книги для прочтения и коллективный выбор должен делаться по поводу того, кому читать книгу. Это делает несколько искусственным предоставление данного выбора обоим индивидам, поскольку они не могут выбрать одновременное чтение книги. Если на самом деле существует только один экземпляр книги, то решение, кто будет ее читать, очевидно, с самого начала является коллективным решением и не может быть только личным делом для обоих индивидов одновременно (см. Buchanan, 1996; de Jasay and Kliemt, 1996).

Эту трудность можно обойти, предположив, что экземпляр книги доступен каждому, и повторно определить аксиому либерализма, потребовав,

¹ Решение парадокса не требует, чтобы оба индивида были либералами, но общественный результат может зависеть от того, кто конкретно из индивидов является либералом, при условии, что либерал только один (Suzumura, 1978; Austen-Smith, 1982).

чтобы каждый индивид имел бы в распоряжении решающий выбор по поводу любого одного элемента пары (читает он книгу или нет) во всех возможных общественных состояниях независимо от выбора другого.² Теперь варианты решений можно проиллюстрировать с помощью матрицы 27.1, в которую добавлена еще одна возможность:

d. Оба индивида — *A* и *B* — читают книгу

В то время как условие Сена допускает выбор индивидом *A* любой строки, при условии что выбор индивида *B* ограничен первым столбцом, модифицированное условие либерализма предоставляет *A* выбор строки независимо от выбираемого *B* столбца и наделяет аналогичными правами *B* по отношению к выбору столбца.

Матрица 27.1

		Распутный <i>B</i>	
		Читает	Не читает
Ханжа <i>A</i>	Читает	<i>a</i>	<i>d</i>
	Не читает	<i>c</i>	<i>b</i>

Поскольку новое условие либерализма строже, чем условие Сена, то оно явно не опровергает его теорему. Применяя данное условие к индивиду *A*, получим:

$(c, b) P (a, d)$

и для упорядочения предпочтений *B*:

$(d, b) P (a, c)$

Пересечением этих двух множеств выбора является альтернатива *b*, которая уступает по критерию Парето альтернативе *a*. Отметим, что Парето-оптимальный выбор *a* является единственным общественным состоянием, целиком исключаемым применением этого модифицированного принципа либерализма.

Несмотря на то что этот новый принцип либерализма не решает либеральный парадокс, он все же предлагает некий выход. Матрица 27.1 представляет собой матрицу «дилеммы заключенных», а более худший по Парето выбор *b* вытекает из *независимого* решения каждого индивидуума осуществлять свои либеральные права, не беспокоясь об экстерналиях, которые налагаются на

² См. Bernholz (1974c); Seidl (1975); Breyer (1977); Craven (182); Sugden (1985, 1993); Gaertner, Pattanaik, and Suzumura (1992); Buchanan (1996); Fleubaey and Gaertner (1996); Pattanaik (1996); и Suzumura (1996).

других таким решением (Fine, 1975; Buchanan, 1996). Выходом из дилеммы, как и в случае с другими экстерналиями, являются переход к другой либеральной аксиоме — все индивиды свободны в своем вовлечении во взаимно выгодный обмен — и предоставление возможности *A* и *B* заключать договор, в котором *B* соглашается не читать книгу в обмен на прочтение ее *A* (Coase, 1960). Возможность заключать такие договоры требует, чтобы аксиома либерализма была переопределена таким образом, чтобы допускать или реализацию индивидом прав, которыми он наделен, или их продажу, т. е. согласие не использовать данные права.³

Сен (Sen, 1986, pp. 225–228) выдвигает два возражения по поводу решения индивидам продавать свои либеральные права для достижения Парето-оптимальности. Во-первых, если *A* и *B* обладают либеральными ценностями, то они могут отказаться заключать такой договор, несмотря на его кажущуюся привлекательность. Внутренне присущая договору навязчивость может стать таким афронтом для либеральных убеждений *A* и *B*, что они откажутся присоединиться к контракту, даже несмотря на то, что могли бы получить большую полезность если бы положения договора вдруг были бы реализованы без жесткой необходимости присоединиться к нему.⁴ В таком случае единственным возможным решением парадокса является предпочитаемое Сенем решение, а именно когда либеральные ценности доминируют над чисто эгоистичными предпочтениями. Рассматривать ли такое решение как нарушение принципа Парето или как последовательное его применение, зависит еще от методологического выбора, включать ли индивидуальные либеральные ценности в предпочтения человека или рассматривать их как ограничение предпочтений.

Второе возражение Сена по поводу решения парадокса через Парето-эффективные сделки заключается в том, что сложно, если вообще не невозможно, обеспечить выполнение данного договора. Ханжа *A* может только сделать вид, что прочел книгу, и отводить глаза при самых пикантных пассажах. Распутный *B* может в тайне ото всех уничтожить похищенный экземпляр книги. Более того, принуждение к соблюдению условий такого договора даже путем привлечения беспристрастной третьей стороны само по себе нарушает либеральные ценности самым принципиальным образом. Хотя бы представьте себе, насколько тщательно и постоянно придется следить за индивидом *B*, чтобы гарантировать, что он никогда не прочтет книгу.

Конечно, второе возражение к решению парадокса через сделки обосновано, но, принимая его, парадокс в своем недостижении Парето-оптимальности становится менее парадоксальным. Мы видели при обсуждении экстерналий

³ См. Gibbard (1974), Kelly (1976), Buchanan (1996), Nath (1976), Breyer (1977), Barry (1986), Harrel and Nitzan (1987), Hardin (1988), de Jasay and Dliemt (1996) и Bernholz (1997a).

⁴ См. также Suzumura (1991, 1996) и Sen (1992, 1996).

и общественных благ в гл. 2, что Парето-оптимальная аллокация ресурсов в принципе всегда достижима через единогласные соглашения между всеми вовлеченными сторонами. «Все», что фактически встает на пути достижения этих соглашений, — это транзакционные затраты. Неспособность достигнуть потенциально Парето-оптимальных аллокаций по причине транзакционных затрат не составляет сам парадокс. Это просто факт нашей общественной жизни. На самом деле можно лучше охарактеризовать складывающиеся в результате аллокации как Парето-оптимальные, *принимая во внимание существование транзакционных затрат* (Dahlman, 1979).

Затраты на заключение и обеспечение выполнения договора, имеющие целью достижение Парето-предпочтительного исхода a , могут предотвратить его претворение в жизнь *даже при отсутствии либеральных прав*. Если каждое решение по поводу того, кто что читает, должно быть принято как коллективное соглашение между A и B и никто из них не имеет права делать что-либо по своему усмотрению, тогда сама природа «дилеммы заключенных» в структуре их предпочтений будет по-прежнему предоставлять обоим стимулы мошенничать по поводу договора относительно достижения a . Проблема обеспечения соблюдения такого контракта существует как с наделением либеральными правами, так и без такового.

27.2.3. Парето-сделки с правами

Решение либерального парадокса, описываемое в предыдущих подразделах, предусматривает, что наделенные правами индивиды торгуют своей свободой в части осуществления своих прав, иными словами, индивиды *продают* свою свободу действовать. Харел и Нитцан (Harel and Nitzan, 1987) предложили решение парадокса, позволяющее индивидуумам продавать свои права.

Для иллюстрации того, о чем идет речь, представим опять же двух индивидов, A и B , и четыре возможных общественных состояния:

x : Индивид A ест яблоко, а B — не ест яблоко.

y : Индивид A ест апельсин, а B — не ест апельсин.

z : Индивид B ест яблоко, а A — не ест яблоко.

w : Индивид B ест апельсин, а A — не ест апельсин.

Индивид A предпочитает съест яблоко, а не апельсин, и предпочел бы, чтобы B съел апельсин, а не яблоко. Таким образом, предпочтения A таковы:

для A : $x P y P w P z$.

С другой стороны, предпочтения индивида B таковы:

для B : $w P z P x P y$.

Так же как и с теоремой Сена, некий человек i имеет либеральное право делать выбор между двумя общественными состояниями (u, v) , если $\{u P_i v\} \rightarrow \{u P v\}$ и $\{v P_i u\} \rightarrow \{v P u\}$. Каждый человек предполагает, что все общественные состояния, которые он не может контролировать просто путем осуществления заранее предоставленных прав, равновероятны. Согласно данному допущению, право на пару (x, z) более ценно для индивида A , чем право на пару (x, w) , поскольку A предпочитает w , а не z . Если A предоставлено право решать между парой (x, z) , тогда он может быть уверен, что наименее предпочтительное для него положение не возникнет. Таким образом, каждого человека можно рассмотреть как индивида, имеющего предпочтение по поводу предоставленных прав. Тогда если позволить индивидам обмениваться этими правами, они смогут достичь результатов — они могут суметь избежать либерального парадокса.

Для иллюстрации представим, что индивиду A изначально предоставляется право решать в паре (y, w) , а B — в паре (x, z) . Индивид A может решить, будет ли апельсин есть он или B . Индивиду B приходится решать, кто ест яблоко. Для A предпочтительнее w , чем z и, соответственно, право решать (y, z) , чем (y, w) . B предпочитает право на (x, w) по сравнению с правом на (x, z) . Индивиды A и B обмениваются w на z . В итоге получается новая пара прав: (y, z) для A и (x, w) для B . Однако и такое распределение по-прежнему неоптимально, и теперь A и B меняются y и x , что дает им обоим право выбора между своими наиболее и наименее предпочтительными исходами, т. е. для A — (x, z) , а для B — (w, y) . Индивид A ест апельсин, а B — яблоко. Харел и Нитцан расширяют определение либерализма для того, чтобы допустить вероятность таких торгов, и вводят условия, по которым модифицированное определение либерализма совместимо с принципом Парето, неограниченной области определения и отсутствием циклов.⁵

Следует, однако, отметить, что такая торговля правами *не может* обойти проблему, внутренне заложенную в примере Сена с «Любовником леди Чаттерлей». Представим опять же, что предпочтения A и B выглядят следующим образом:

для A : $c P a P b P d$;

для B : $d P a P b P c$.

Предоставим A право выбирать в паре (b, d) , а B — в паре (a, c) , иными словами, ханжа A может выбирать, читать ему книгу или нет, в зависимости от того, читает ли книгу B ; при условии же, что A не читает книгу, B имеет право выбора, читать ему или нет. Индивид A хотел бы обменять свое право на

⁵ Однако см. критику: Breyer (1990) и Seidl (1990).

выбор альтернативы b или на a , или на c , но B предпочитает право на (a, c) по сравнению с правами на (a, b) или (b, c) . Никакой обмен здесь невозможен.

Отметим также, что A и B не могут *оба* использовать свои права на закрепленные за ними пары общественных состояний, поскольку возможно только одно из четырех таких состояний.⁶ Индивид A не может выбрать не читать книгу, в то время как B выбирает, что они оба читают ее. Право *одного* человека должно получить преимущество над правами других. Таким образом, один из акторов должен быть избран как общественный диктатор даже без ссылки на принцип Парето.⁷ Данная особенность примера Сена с книгой «Любовник леди Чаттерлей» возникает в связи с его предположением, что индивиды имеют право на выбор *общественных состояний*. Рассмотрим данное допущение более детально.

27.3. Права на общественные состояния против прав на действия

Сен открыл парадокс при формулировке вопроса как проблемы *общественного* выбора. Аналогично полученным Эрроу результатам о невозможности данный вопрос является одним из тех, которые относятся к выбору *общественного состояния*, где под таковым понимается полное описание положения каждого в обществе: индивид A носит синюю рубашку и читает книгу, а B надевает белую и также читает книгу. В таком контексте вполне естественно определять права с точки зрения выборов индивидами общественных состояний.

Возвращаясь к исходной формулировке примера Сена с книгой «Любовник леди Чаттерлей», определим a , b и c как общественные состояния следующим образом:

- a. Индивид A читает книгу, а B не читает ее.
- b. Индивид B читает книгу, а A не читает ее.
- c. Никто не читает книгу.

⁶ Данная сложность не возникает при формулировке либеральных прав, предложенной Харелом и Нитцаном, как показывает пример с яблоком и апельсином. Возможно более чем одно общественное состояние и, таким образом, может быть осуществлено много вариантов распределения прав.

⁷ Брейер (Breuer, 1996) критикует Бьюкенена (Buchanan, 1996), а также Де Жасе и Климта (de Jasay and Kliemt, 1996) за рассмотрение либеральных прав в определении Сена, т. е. как дающих право делать выбор *за общество*. Напротив, Брейер считает, что данные права должны рассматриваться как руководящий принцип общественного плановика, на которого возлагается выбор оптимального общественного состояния. Однако такая альтернативная интерпретация не устраняет проблему, поскольку предоставление прав обоим индивидам A и B заставляет общественного плановика отдавать предпочтение одному из двух людей.

Индивид A принимает решение в паре (a, c) , а B — в паре (b, c) . Иными словами, *если задано, что B не читает книгу*, то A может выбирать, читать ему или нет, или *если задано, что A не читает книгу*, индивид B может выбирать между чтением и отказом от него.

Когда права определяются применительно к общественным состояниям, они всегда *условны*. Поскольку общественное состояние b является полным описанием *всех* атрибутов среды и действий индивидов в ситуации b , предоставление кому-либо права выбора b или c должно зависеть от действий каждого члена общества, описываемых при определении положений b или c . Если каким-то образом индивиду B удастся схватить книгу и прочесть ее, то право A на выбор, читать или не читать, становится неактуальным, поскольку оно зависит от отказа B от чтения книги. Именно условная природа прав и существование выбора c в составе прав индивидов A и B беспокоит Бьюкенена (Buchanan, 1996) и де Жасе и Климта (de Jasay and Kliemt, 1996). Если право индивида A зависит от того, не читает ли книгу индивид B , то как можно говорить, что B свободен (имеет право) в выборе, прочесть ему книгу или нет?

Гертнер, Паттанаик и Сузумура (Gaertner, Pattanaik, and Suzumura, 1992) указывают, что такой способ формулировки либерализма или либеральных прав противоречит наиболее интуитивным представлениям о правах, а именно что индивид A свободен в выборе, читать ли ему книгу, *независимо* от того, что делает при этом B . Права — это *безусловная* свобода действия. Такое более наглядное представление о правах можно уловить наилучшим образом, принимая подход теории игр и определяя права как выбор *допустимых действий*. В случае с двумя игроками представим, что A представлен в строках, а B — в столбцах. При нормальной игре A сталкивается с матрицей, содержащей n возможных действий с его стороны, a_{Ai} , а B сталкивается с той же матрицей, содержащей, скажем, m возможных действий с его стороны, a_{Bj} . Если A и B — единственные люди в обществе, тогда естественным способом рассмотрения прав является допущение о том, что A имеет право предпринять или не предпринять любое действие из a_{Ai} , а B имеет право поступить аналогично с a_{Bj} . Если оба игрока решают предпринять действия a_{Ai} и a_{Bj} , тогда в результате получается общественное состояние в виде пары совместных действий (a_{Ai}, a_{Bj}) . Однако ни A , ни B в данном случае не выбирают данное общественное состояние, и ни у одного из них нет такого права. Каждый имеет право выбирать только один атрибут в результирующем общественном состоянии, а именно свои собственные действия в нем. Как было проиллюстрировано на матрице «дилеммы заключенных» в предыдущем разделе, когда либерализм определяется в терминах теории игр, сохраняется возможность нахождения таких примеров, в которых общественный результат — пересечение стратегического выбора каждого игрока — не является Парето-оптимальным.⁸

⁸ См. также рассуждение Нозика (Nozick, 1974, pp.165–166).

Какой способ определения прав лучше? Отчасти ответ на данный вопрос зависит от характера условий, включаемых в описание прав в общественном состоянии, а частично — от того, с чем интуитивно ассоциируется слово «права». Во многих контекстах наше представление обычно подразумевает безусловную свободу действия, как, скажем, при выборе, какую книгу читать или какого цвета рубашку надевать. В других — условное право может оказаться более подходящим. *X* имеет право поцеловать *Y* при условии, что *Y* хочет целоваться с *X*.⁹

Сен (Sen, 1996) соглашается, что рассмотрение либерализма скорее как предоставление прав выбора действий, нежели общественных состояний, почти всегда более точно улавливает всеобщие представления о правах, но в то же время он защищает тезис о том, что наши основания для определения или защиты прав иногда проистекают просто из озабоченности *последствиями* действий, которые, в свою очередь, зависят от характеристик общественного состояния, возникающих, когда каждый индивид выбирает определенное действие. Сен приводит следующий пример:

Когда Джон Стюарт Милль (John Stuart Mill, 1859) рассматривает свободу для людей разнообразных вероисповеданий есть свинину, при этом *гарантируя* эту свободу для не мусульман (Mill, 1859, pp. 152–155), возникают проблемы в связи с тем, что отдельный человек может не знать, из чего именно приготовлено конкретное блюдо. Пытаясь удостовериться, что права мусульман и не мусульман осуществляются соответствующим образом, нам уже пришлось выйти за рамки простого предоставления каждому человеку свободы действия. В данном случае нахождение верного решения будет важно для предоставления этой свободы...

(Sen, 1996, p. 158)

Таким образом, в этом примере Сен делает акцент на том, что возможность мусульманина использовать свое право не есть свинину в значительной степени зависит от знания состава продуктов в блюде, которое ему предлагают.

27.4. Либеральные права и обязанности

Любая защита прав действий подразумевает обязательства для оставшейся части общества пассивно позволять такие действия. Так, например, мое право прочесть конкретную книгу зависит от того, не станет ли кто-то пытаться забрать у меня эту книгу, или выбить мне глаз, или, что более важно в контексте

⁹ См. рассуждение Сена (Sen, 1992) по поводу следующих примеров: права петь в хоре или ходить с непокрытой головой в общественных местах.

конституционно защищаемых прав, не примут закон, который запрещал бы публикацию данной книги или мое чтение этой книги.

В некоторых примерах кажется, что Сен хочет пойти дальше таких *пассивных* представлений об обязательствах не вмешиваться в действие, когда оно защищено правом, к более *активным* представлениям о социальных обязательствах. В примере с мусульманами Сен, по-видимому, намекает на то, что у общества есть обязанность обеспечить мусульманина информацией о содержании блюда, чтобы удостовериться, что его действие по принятию пищи имеет желаемые последствия. Такая более активная интерпретация прав приводит напрямую к такому понятию, которое многие называют «экономическими правами», — обеспечение людей не только свободой предпринимать определенные действия, но также и ресурсами для этой деятельности. Возвращаясь к примеру с книгой, можно утверждать, что свобода читать, что хочется, бессмысленна до тех пор, пока индивид не может позволить себе купить книгу, и соответственно что общество обязано связывать право свободы речи, скажем, с общественными библиотеками, чтобы у бедных также был доступ к книгам. Свобода выбора книг для чтения не имеет никакого смысла, если читатель слеп и обладает скромными средствами к существованию, соответственно общество обязано связать права на свободу слова с дотациями на публикацию книг со шрифтом Брайля или, может быть, нанять специальных людей, которые будут читать для слепых. В религиозном контексте это может предполагать, что общество должно построить мечеть для мусульман, если таковой еще нет в городе. В ситуациях, аналогичных этим, цель, к которой стремятся при определении какого-либо права, зависит нетривиальным образом от специфических элементов в *общественном состоянии*, и эти атрибуты желаемого общественного состояния могут подразумевать определенные активные обязательства со стороны общества.

Несмотря на то что большинство людей согласится, что право питаться тем, чем хочется, не имеет большой ценности, если человек не может позволить себе покупать еду, многие в то же время будут настаивать на том, что права выбирать действия налагают специфические активные обязательства на общество. Каждый из нас может понимать, что субъект *X* свободен и может путешествовать хоть на Луну, если ему так хочется, но мы будем против того, чтобы платить за ракету, которая обеспечит ему безопасное путешествие. Как же общество определяет, какие права действия требуют его активного вмешательства, а какие — только гарантий пассивного невмешательства? Одним из способов является попытка определения выгод для отдельного актора и затрат, налагаемых на оставшуюся часть общества. Это приводит нас к разновидности *вэлферистского* анализа конституционных прав, который был предметом рассмотрения гл. 26. Завершим данную главу анализом вопроса о либеральных правах.

27.5. Конституционные и либеральные права

Литература, посвященная либеральному парадоксу, рассматривает как наделенность правами, так и предпочтения индивидов как экзогенные переменные. Желание обеспечить закрепленные права считается само собой разумеющимся, а учитывая предполагаемые предпочтения, получается парадокс. Однако откуда взялись такие права? Если они изначально заложены в конституции, то как вообще возможно, чтобы эти индивиды когда-либо пришли к согласию относительно распределения прав?

Для рассмотрения проблемы представим опять же пример с яблоком и апельсином, но предположим, что оба индивидуума имеют идентичные предпочтения и оба предпочитают съесть апельсин, а не яблоко. Тогда не возникает какой-либо торговли правами. Человек, которому даровано право определять, кому есть апельсин, выберет, естественно, себя. Более того, *никакого единого-гласного соглашения по поводу закрепления прав* на конституционной стадии невозможно без привлечения определенной формы «вуали неведения», которая скрывает будущие идентичности индивидов.¹⁰

Как только мы начинаем рассматривать права как сами по себе являющиеся предметом общественного выбора, как это имеет место в конституции, возникает вопрос в контексте примера с книгой «Любовник леди Чаттерлей»: будут ли индивиды с вмешивающимися в дела другого предпочтениями, такими как у ханжи *A* и развратника *B*, когда-либо определять право прочесть кем-то выбранную книгу, зная, что книги, аналогичные роману «Любовник леди Чаттерлей», время от времени появляются, или, напротив, если общество достаточно либерально для того, чтобы в конституции защитить право читать что хочется, то вероятно ли обуздать людей с вмешивающимися в дела других предпочтениями, которые и порождают парадокс? Если говорить более научным языком, мы могли бы спросить: если бы рациональные эгоистичные индивиды должны были написать конституцию, то поместили бы они туда права на такие действия, которые привели бы к Парето-неэффективности?

Теория конституционных прав, представленная в гл. 26, дала объяснение, почему права на действия могут быть выделены для явной защиты рациональными индивидами, стремящимися к максимизации своих ожидаемых полезностей на конституционной стадии. Явная защита требуется, когда ожидается, что действие обеспечит большой рост полезности для самого актора, но в то же время может вызвать достаточно сильные негативные экстерналии, чтобы побудить некоторых индивидов к попытке запретить данное действие через коллективное действие. Явная защита прав удержит будущее большинство от попыток запретить действие. Публикация и даже чтение определенных

¹⁰ Брейер (Breuer, 1990) делает акцент на проблеме согласия с первоначальным распределением прав.

книг приводили к усилиям запретить такие действия во многих странах, и можно предвидеть, что они опять проявятся по отношению к определенным книгам. Если кто-то за «вуалью неведения» поверил, что выигрыш в полезности от чтения и публикации книг был в целом значительно больше, чем потери полезности третьих лиц от этих действий, тогда он может поддержать конституционную статью о свободе слова для защиты таких действий.

Некоторые примеры в литературе, посвященной либеральному парадоксу, как и исходный пример с романом «Любовник леди Чаттерлей», относятся к действиям, которые обычно явно защищаются конституцией; другие же, как, скажем, выбор плитки в ванную комнату, цвета рубашки, спать ли на спине или на боку и т. п., относятся к действиям, которые конституцией никогда *явно* не защищаются. Теория конституционных прав объясняет, почему эти действия не защищаются явно, указывая на маловероятность того, что они приведут к значительным негативным экстерналиям, чтобы вызвать в будущем попытки их запрета. Не ожидая, что будущее большинство когда-либо попытается запретить людям надевать синие рубашки, составители конституции выберут не защищать такие действия явно.

Если представить, что при написании конституции индивиды действуют в своих просвещенных эгоистических интересах и что либеральные права коллективно согласованы теми индивидами на конституционной стадии, которые позже будут их использовать, то тогда не может быть конфликта между либеральными правами и применением принципа Парето *ex ante*. Конституционный договор, к которому единогласно присоединяются все граждане, должен быть оптимальным по Парето. Допущение о неограниченной области определения, однако, подразумевает, что мы не можем предполагать исключение ситуаций, подобных описываемым в примере с романом «Любовник леди Чаттерлей». Когда же они появляются, возможный конфликт между использованием каждым человеком права читать что он хочет и принципом Парето не может быть исключен. Если по каким-то причинам вовлеченные в него люди не имеют возможности обойти Парето-неэффективность чрез коузианские договоренности, тогда неэффективность по Парето может остаться. Те, кто предполагает, что либеральные ценности *обязаны* превалировать над вэлферистскими калькуляциями, могут приветствовать такой исход. Те же, кто непреклонно защищает вэлферизм, могут, с другой стороны, получить некое утешение от знания, что ситуации Парето-неэффективности, скорее всего, редки, если составители конституции верно определили категории действий, которые должны быть защищены путем явного определения прав.

Таким образом, кажется, что нет какой-либо принципиальной несовместимости между существованием прав предпринимать определенные действия и допущением, что индивиды могут принимать коллективные решения с целью максимизации своей полезности. Конфликты между осуществлением либеральных прав и принципом Парето возникают в данной интерпретации

только в исключительных случаях. Преимущество такого рассмотрения прав заключается в том, что оно позволяет инкорпорировать права в модель рационального актора при коллективном принятии решений без необходимости модифицировать базовые предпосылки, на которых строится модель. Более того, имеется как нормативная теория прав, основанная на их договорной природе, так и позитивная теория в той степени, в какой эгоистичные индивиды участвуют в процессе определения прав.

Оказывается, что Амартия Сен и некоторые другие участники дебатов по поводу либеральных прав предпочитают рассматривать права как принципы, которые невозможно вывести из расчетов максимизации полезности. Согласно данной интерпретации, права и принцип Парето могут вступить в конфликт, и когда это происходит, Сен по крайней мере предпочитает, чтобы осуществление прав доминировало над принципом Парето. Несмотря на то что у этого похода есть некие преимущества в том смысле, что он обеспечивает ясные предписания по отношению к правильному общественному выбору, который следует сделать, когда права четко определены, он не дает объяснения, откуда проистекают права. Является ли право выбора цвета рубашки защищаемым правом? Является ли оно равным по значению праву чтения книг по чьему-либо выбору или возможностью молиться своему богу? Откуда возникают эти права? Существующая литература по либеральным правам не дает никаких ответов. Подход конституционной политической экономии, рассмотренный в гл. 26, предоставляет одно объяснение и определение параметров прав. Однако данная теория не ставит права выше принципа Парето, она скорее делает их последствием его применения на ранней стадии процесса принятия коллективного решения.

Библиографические примечания

Исходная шестистраничная заметка Сена, в которой формулировался либеральный парадокс, породила огромную литературу. Сам Сен (Sen, 1976) дает обзор результатов вплоть до 1976 г. Вриглесворт (Wriglesworth, 1985) также прибегает к нему. Паттанаик (Pattanaik, 1997) делает обзор литературы, параллельно с той, что касается теоремы Эрроу. Выпуск номера «Analyse & Kritik» за сентябрь 1996 г. «Анализа и критики» целиком посвящен данной теме.

Для оптимистичного утверждения, касающегося потенциала введения либеральных ценностей в ряд демократических институтов, см. работу Рилея (Riley, 1985).